

Библиотека Анархизма
Антикопирайт

Подари это

Дэвид Грэбер

2000

Дэвид Грэбер
Подари это
2000

Скопировано 09.07.2017 с

[https://dumka.be/news/perevod-greber-d-](https://dumka.be/news/perevod-greber-d-podari-eto)

[podari-eto](https://dumka.be/news/perevod-greber-d-podari-eto), перевод с

<https://inthesetimes.com/issue/24/19/graeber2419.html>

ru.anarchistlibraries.net

Вы заметили, что сейчас нет новых французских интеллектуалов? В конце 70-х – начале 80-х было их настоящее наводнение: Деррида, Фуко, Бодрийяр, Кристева, Лиотар, де Серто... Однако, с тех пор не появилось практически никого. Следующие за модой академики и интеллектуальные хипстеры вынуждены бесконечно перерабатывать теории двадцати-, тридцатилетней давности или искать поражающие воображение мета-теории в таких странах, как Италия, или даже Словения.

У такого положения дел много причин. Некоторые из них связаны с политикой в самой Франции, где медийные элиты специально прилагали усилия, чтобы настоящие интеллектуалы сменились пустоголовыми экспертами американского образца. И всё же эти усилия не были до конца успешными. Более важная причина – французская интеллектуальная жизнь стала более политически ангажированной. В американской прессе практически замалчивались культурные новости из Франции периода большого забастовочного движения 1995 года, когда Франция стала первой страной, окончательно отказавшейся от

«американской модели» экономики и демонтажа государства всеобщего благосостояния. В американской прессе Франция сразу же стала несерьёзной страной, тщетно пытающейся увернуться от хода истории.

Конечно, это вряд ли будет беспокоить тех американцев, которые читают Делеза и Гваттари. Чего американские академики ждут от Франции, так это высокого интеллектуализма, возможности почувствовать причастность к диким, радикальным идеям, но таким способом, который не предполагает никакой программы политического действия. Или, скорее, не предполагает вообще никакой обязанности действовать. Без труда можно разглядеть, как класс людей, которых почти не считают важными ни политические элиты, ни 99% населения, испытывает такое чувство. Другими словами, пока американская пресса выставляет Францию несерьёзной, американские академики отыскивают таких французских мыслителей, которые кажутся соответствующими таким требованиям.

В результате, о некоторых интереснейших ученых Франции сегодня вы вообще ничего не слышали. Например, о группе интеллектуалов, действующей под довольно громоздким названием «Движение анти-утилитаризма в социальных науках» (MAUSS)¹, которая посвятила себя систематическим атакам на философские основы экономической теории. Группа черпает вдохновение у великого французского социолога начала 20 века Марселя Мосса, наиболее известная работа которого – «Очерк о даре» (1925) — была, пожалуй, самым лучшим опровержением допущений экономической теории из когда-либо написанных. Сейчас, когда «свободный рынок» вбивается всем в головы, как естественный и неизбежный продукт человеческой природы, работа Мосса актуальна

---

¹ С фр. Mouvement Anti-Utilitariste dans les Sciences Sociales

как никогда. Она продемонстрировала не только, что большинство не-западных обществ не основывались на принципах, напоминающих рыночные, но и то, что большинство современных западных людей также часто поступают вопреки им. В то время, как американские академики-франкофилы видимо не в состоянии сказать что-либо о подъеме глобального неолиберализма, группа MAUSS атакует его самые основы.

***

Справка: Марсель Мосс родился в 1872 году в ортодоксальной еврейской семье в Вогезах (департамент на востоке Франции). Его дядя, Эмиль Дюркгейм, считается основателем современной социологии. Дюркгейм собрал кружок выдающихся молодых учеников, среди которых Мосс был назначен изучать религию. Этот кружок однако был разрушен Первой Мировой Войной: многие погибли в окопах, включая сына Дюркгейма, и сам Дюркгейм вскоре после этого умер от горя. Мосс остался собирать обломки.

Судя по всему, хотя Мосс никогда всерьез не считал себя наследником Дюркгейма, ему, человеку экстраординарной эрудиции (он знал по крайней мере десятков языков, включая санскрит, язык Маори и классический арабский), всё равно как-то не хватало серьезности, ожидаемого от важного профессора. В прошлом боксер-любитель, он был большим и сильным человеком с шутливыми, даже глуповатыми манерами, постоянно жонглирующим десятком блестящих идей, вместо того, чтобы строить большую философскую систему. Свою жизнь он провел работая над, как минимум, пятью различными книгам (о молитве, о национализме, о происхождении денег и др.), ни одну из которых не закончил. Тем не менее, он преуспел в обучении нового поколения социологов и почти в одиночку

основал французскую антропологию, а также опубликовал серию чрезвычайно инновационных эссе, почти каждое из которых породило совершенно новую часть социальной теории.

Кроме того, Мосс был революционным социалистом. Со студенческих лет он постоянно публиковался в левой прессе и почти всю жизнь участвовал во французском кооперативном движении. Он основал и в течение многих лет помогал работе потребительского кооператива в Париже, часто отправлялся в командировки, чтобы наладить контакт с движением в других странах (с этой целью он посетил послереволюционную Россию). Однако, Мосс не был марксистом. Его социализм был больше в традициях Роберта Оуэна или Пьера-Жозефа Прудона: он считал, что коммунисты и социал-демократы в равной степени заблуждаются, полагая, что общество может быть преобразовано в основном действиями правительства. Он скорее полагал, что роль правительства в том, чтобы обеспечить правовую основу для социализма, который должен быть построен снизу, путем создания альтернативных институтов.

Так, его отношение к Русской революции было довольно противоречивым. Будучи в восторге от перспективы реального социалистического эксперимента, он был возмущен систематическим использованием террора большевиками, подавлением ими демократических институтов и более всего их «циничной доктриной о том, что цель оправдывает средства», которая, как решил Мосс, на самом деле была просто немного измененным аморальным, рациональным рыночным расчетом.

Эссе Мосса «Очерк о даре» в основном было его ответом на события в России — в частности, на Новую экономическую политику Ленина 1921 года, которая отказывалась от прежних попыток ликвидировать торговлю. Если рынок не

ют сейчас на интеллектуальном горизонте. Трудно отделаться от впечатления, что именно поэтому американские интеллектуалы, особенно те, которые считают себя самыми экстремистскими радикалами, готовыми разрушить практически любые концепции, просто не знают как относиться к последователям Мосса – поэтому, собственно, их работа и была практически полностью проигнорирована.

— Дэвид Грэбер

Перевод: коллектив библиотеки «Вольная Думка»

может быть просто законодательно отменен даже в России, возможно, наименее монетизированном европейском обществе, то очевидно, заключил Мосс, что революционеры должны были начать серьезно думать о том, чем на самом деле является этот «рынок», откуда он взялся и как может выглядеть жизнеспособная альтернатива. Пришло время пустить в ход результаты исторического и этнографического исследования.

***

Выводы Мосса были просто поразительными. Впервые, почти всё, что «экономическая наука» говорила об экономической истории, как оказалось, не соответствовало действительности. Универсальным допущением приверженцев свободного рынка тогда, как и сейчас, было то, что движущей силой человека является желание максимизировать удовольствия, комфорт и материальное имущество (его «утилитарность»), и что все значимые человеческие отношения можно проанализировать в терминах рынка. В начале, согласно официальной версии, был бартер. Чтобы получить то, что нужно, люди были вынуждены обмениваться вещами напрямую. Поскольку это было неудобно, они изобрели деньги как универсальное средство обмена. Изобретение последующих технологий обмена (кредит, банк, фондовая биржа) было просто логическим продолжением этого.

Проблема была в том, что, как быстро подметил Мосс, нет никаких оснований полагать, что когда-либо существовали общества, основанные на бартере. Напротив, хозяйственная жизнь обществ, открытых антропологами, основывалась на совершенно иных принципах, и большинство предметов перемещались в качестве подарков – и большая часть того, что мы могли бы назвать «эконо-

мическим» поведением, основывалось на показной щедрости и отказе точно подсчитывать, кто сколько кому дал. Такая «экономика дара» в некоторых случаях могла быть очень конкурентной, но их конкуренция диаметрально противоположна нашей: вместо того, чтобы соперничать в накоплении, у них побеждал тот, кто мог больше отдать. Иногда, как, например, в племени квакиютль Британской Колумбии, это могло привести к грандиозным соревнованиям щедрости, где амбициозные вожди будут пытаться перещеголять друг друга, раздавая тысячи золотых браслетов, одеял Хадсон Бей и швейных машинок Зингер. Или даже уничтожая богатства: выбрасывая знаменитые семейные реликвии в океан, или поджигая огромные кучи материальных благ, провоцируя своих соперников сделать то же самое.

Всё это может показаться очень экзотичным. Но Мосс также задался вопросом: действительно ли это так чуждо нам? Нет ли чего-то странного в самой идее подарка даже в нашем собственном обществе? Почему, когда человек получает подарок от друга (напиток, приглашение на обед, комплимент), он чувствует себя обязанным ответить взаимностью? Почему тот, кто принимает щедрость, часто чувствует себя принижённым, если не может ответить тем же? Разве это не примеры универсальных человеческих чувств, которые обесценены в нашем обществе, тогда как в других они были основой экономической системы? Разве существование этих совершенно других мотивов и моральных стандартов даже в таких капиталистических системах, как наша, не является основанием для того, чтобы обратиться к альтернативным взглядам и социалистическим принципам? Мосс, конечно, ощущал именно так.

Во многом анализ Мосса имел заметное сходство с марксистскими теориями отчуждения и материализации, которые в то же время начали разрабатывать такие фигуры,

самого Мосса, была издана его биография и сборник политических текстов. В то же время группа MAUSS стала явно политической. В 1997 Кайе опубликовал текст под названием «30 тезисов для Новых Левых», а группа MAUSS начала посвящать свои ежегодные конференции явно политическим вопросам. Например, их предложение в ответ на нескончаемые призывы принять во Франции «американскую модель» и демонтировать социальное государство началось с отстаивания экономической идеи, первоначально предложенной американским революционером Томасом Пейном: обеспечить гарантированный доход гражданам. Подлинная трансформация политики социального государства должна начинаться не с отмены социальных пособий, а с переосмысления всей концепции того, что же государство должно своим гражданам. Давайте выбросим за борт социальную политику и пособие по безработице, сказали они, а вместо этого создадим систему, в которой каждому гражданину Франции будет гарантирован одинаковый стартовый доход (скажем, 20,000 долларов, предоставляемых непосредственно правительством) – и тогда уже всё остальное пусть будет зависеть от них самих.

Трудно до конца разобраться, как левым относиться к последователям Мосса, особенно в связи с тем, что сейчас в некоторых кругах Мосс продвигается в качестве альтернативы Марксу. Легче всего было бы списать их как просто крайних социал-демократов, которые на самом деле не заинтересованы в радикальной трансформации общества. В своих «30 тезисах» Кайе, например, соглашается с Моссом, допуская неизбежность существования рынка в том или ином виде – но все же он, как и Мосс, предвкушает уничтожение капитализма, под которым понимает стремление к прибыли как самоцель. С другой стороны, атаки последователей Мосса на логику рынка более глубокие и более радикальные, чем все остальные, которые существу-

(словосочетание, которое, как он отмечает, нельзя даже перевести на большинство человеческих языков) и заботой о других; суть традиционного подарка в том, что он включает оба эти мотива одновременно.

Это были вопросы, которыми, в первую очередь, занималась небольшая, междисциплинарная группа французских и франко-говорящих ученых (Кайе, Берту, Ахмет Инсел, Серж Латуш, Полин Тайеб), которые образовали MAUSS. Фактически, первоначально группа собралась вокруг журнала, который назывался «Ревью дю МОСС»². Это был небрежно напечатанный на плохой бумаге, очень маленький журнал, авторы которого в шутку представили его ни много ни мало, как площадку для серьезной науки, ведущий журнал многочисленного международного движения, которого на самом деле не существовало. Кайе написал манифесты; Инсел записал фантазии о великом будущем интернациональном антиутилитарном соглашении. Статьи по экономике чередовались с отрывками русских романистов. Однако постепенно движение начало претворяться в жизнь. К середине 90-х MAUSS стала впечатляющей сетью ученых: от социологов и антропологов до экономистов, историков и философов, из Европы, Северной Африки и Ближнего Востока, чьи идеи теперь уже представлены в трех разных журналах и в серии книг (всё на французском), а также сопровождаются ежегодными конференциями.

***

После забастовок 1995 года и избрания социалистического правительства, возник немалый интерес к работам

---

² Первоначально, с 1982 года, назывался Bulletin du MAUSS и только в 1988 переименован в Revue du Mauss. — прим. пер.

как Георг Лукач. Мосс утверждал, что в экономике дара обмена не являются обезличенными, как в капиталистическом рынке: фактически, даже когда из рук в руки передаются объекты большой ценности, действительно имеют значение только отношения между людьми. Обмен – это построение дружеских отношений, соперничество, или обязательства, и лишь попутно – перемещение ценных товаров. В результате всё становится персонализированным, даже собственность: в экономике дара наиболее известные предметы роскоши – фамильные ожерелья, оружие, пуховые накидки – всегда обнаруживают свое собственное лицо.

В рыночной экономике всё с точностью наоборот. Сделки рассматриваются просто как способ получения полезных вещей; личные качества покупателя и продавца в идеале не должны играть совершенно ни какой роли. В результате, со всем, даже с людьми, начинают обращаться как с вещами. (Рассмотрите в этом контексте выражение «товары и услуги»). Однако, главное отличие от марксизма в том, что пока марксисты того времени продолжали настаивать на прагматичном экономическом детерминизме, Мосс считал, что в прошлых не-рыночных обществах – и, как следствие, в любом по-настоящему гуманном будущем обществе – «экономика», понимаемая как автономная область деятельности, связанная только с производством и распределением богатства, развивающаяся по своей собственной безличной логике, не существует.

Мосс никогда точно не был уверен в том, какие отсюда следуют практические выводы. Русский эксперимент убедил его, что купля-продажа не может быть просто отменена, по крайней мере «в обозримом будущем». Однако, рыночный этос – может. Работа может стать кооперативной, эффективная социальная защита – гарантированной, и постепенно будет создан новый этос, согласно которому

единственным оправданием накопления богатств будет способность всё это раздать. Результат — общество, высшей ценностью которого была бы «радость от публичного дарения, восхищение щедрой творческой растратой, удовольствие от гостеприимства на общественных или частных празднествах».

Что-то из этого сегодня может показаться наивным. Но сейчас — когда экономическая «наука» стала фактически религией нашего времени — идеи Мосса стали даже более актуальными, чем 75 лет назад. Во всяком случае так показалось основателям MAUSS.

***

Идея создать MAUSS зародилась в 1980 году. Проект, как говорят, возник из беседы во время обеда между французским социологом Аланом Кайе и шведским антропологом Жеральдом Бертумом. Они провели несколько дней на одной междисциплинарной конференции, посвященной подаркам, и после просмотра документов были шокированы мыслью, что ни одному ученому во всей аудитории не пришло в голову, что значимым мотивом подарка может быть, скажем, щедрость, или подлинная забота о состоянии другого человека. Фактически, ученые на конференции исходили из того, что «подарка» на самом деле не существует: покопайся немного глубже в мотиве любого человеческого действия и ты обязательно обнаружишь какую-то эгоистичную, расчетливую стратегию. Даже более странно, они исходили из того, что эта эгоистическая стратегия непременно более реальна, даже в спорных моментах; что она так или иначе более реальна, чем любой другой мотив, в который она может быть вплетена. Это выглядело так, как если бы быть научным, быть «объективным», означало бы быть абсолютно циничным. Почему так?

Кайе в конечном итоге обвинил во всем христианство. Древний Рим ещё хранил некое подобие старого идеала аристократической щедрости: римские магнаты строили общественные сады и памятники, соперничали, кто проспонсирует самые великолепные игры. Но римское великодушие было также, вполне очевидно, предназначено для унижения других: одной из любимых привычек было рассыпать золото и драгоценности перед массами, дабы посмотреть, как они барахтаются в грязи, чтобы выкопать их. Первые христиане, по очевидным причинам, развивали свое понятие благотворительности как прямой ответ на столь неприятные методы. Истинная благотворительность не была основана ни на каком желании установить превосходство, получить пользу, или просто потешить себя любимого. В той степени, в какой можно сказать, что дарящий получает что-нибудь от сделки, она уже не является настоящим подарком.

Однако, это, в свою очередь, привело к бесконечным проблемам, так как было очень сложно представить подарок, который не нес бы совершенно никакой пользы для дарящего. Даже совершенно бескорыстный акт мог приносить какую-то пользу от Бога. Так появилась привычка рассматривать каждый акт, пока не обнаружишь какой-то скрытый эгоизм, а затем исходить из того, что этот эгоизм и есть что-то действительно важное. Можно заметить, что такое же действие постоянно воспроизводится и в современной социальной теории. Экономисты и христианские теологи согласны в том, что если кто-то находит удовольствие в акте щедрости, это как-то не совсем щедро. Они не согласны только в моральных последствиях. Чтобы противостоять этой очень извращенной логике, Мосс подчеркивал «удовольствие» и «радость» дарения. В традиционных обществах предполагалось, что не существует никакого противоречия между так называемым личным интересом